

В одежде Юго-восточной Эстонии и Северо-восточной Латвии некоторые сходные черты, объясняемые прибалтийско-финским субстратом, встречаются и позднее, в XII-XIV вв.: использование пронизок для украшения одежды, сходные венки и т.д. В то же время в женской одежде Юго-восточной Эстонии распространяются чисто латгальские приемы украшения (бронзовые колечки, вотканные в покрывала), некоторые шейные украшения и т.д.

Общее и различное в материальной культуре Юго-восточной Эстонии и Северо-восточной Латвии нуждается в дальнейшей интерпретации, чтобы отделить культурные явления, связываемые с древним прибалтийско-финским субстратом, от позднейших, перенятых у соседних племен в результате взаимовлияния.

И. Лозе (Рига)

ОБ ИСТОКАХ КУЛЬТУРЫ ЛУБАНСКОЙ КЕРАМИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИИ

Исследованиями ряда поселений позднего неолита и ранней бронзы на территории Лубанской низины, расположенной на востоке Латвии (Абора I, Асне I, Лагажа и Эйни, а также в устье р. Малмута), была выявлена своеобразная керамика, получившая название лубанской (И.А. Лозе, 1972, 1979). Присутствие этой керамики впоследствии наблюдалось и в верхних горизонтах некоторых средненеолитических поселений, расположенных на более высоких отметках по сравнению с торфяниковыми средненеолитическими поселений (Звидзе - центральная часть, Квапаны II) (И.А. Лозе, 1980).

Указанная керамика имела определенное стратиграфическое положение и сопутствовала во всех вышеуказанных поселениях более ранней по возрасту шнуровой керамики.

Детальный анализ лубанской керамики позволил указать на некоторые черты, воспринятые ею от шнуровой керамики (И.А. Лозе, 1979), отождествляемой исследователями с индоевропейским, в частности протобалтским населением.

За пределами Латвии лубанская керамика была обнаружена в виде единичных фрагментов на поселениях приустья р. Эмайги в Эстонской ССР, что заметно расширило ее ареал.

Лубанская керамика сопровождается инвентарем (костяными наконечниками стрел, дротиков и гарпунов, роговыми пластинками-браслетами, украшенными своеобразными орнаментальными композициями, тигельками для выплавки бронзы, своеобразной формой каменного топора с просверленным отверстием и т.д.), что позволяет отнести ее к разряду археологической культуры.

Для этой культуры эпохи ранней бронзы характерно знакомство с производящим хозяйством (наличие домашнего скота, о чем свидетельствует присутствие отдельных особей крупного и мелкого рогатого скота; признаки земледелия).

Учитывая особенности лубанской культуры, следует признать, что она восходит к культуре шнуровой керамики, получившей широкое распространение в восточноприбалтийском регионе лесной полосы Европейской части СССР уже на рубеже 3-й и 4-й четвертей III тысячелетия до н.э. Это позволяет рассматривать лубанскую культуру как гибридный вариант поздней культуры шнуровой керамики Восточной Прибалтики.

Лубанская культура, относимая к той же этнической единице, что и собственно культура шнуровой керамики восточноприбалтийского региона, предшествовала на востоке Средней Прибалтики культурам штрихованной и поздней текстильной керамики, что доказывалось ранее (И.А. Ло-

зе, 1979). Поэтому участие в сложении культуры штрихованной керамики поздненарвских культур представляется мне правдоподобным.

По-видимому, лубанскую культуру, относимую по радиоуглероду к отрезку времени 1715±70 - 1670±70 лет до н.э. (И.А.Лозе, 1979), следует синхронизировать с группами культур эпинуровой керамики - Миерзанович (mierzanowice) и Стшижовской (Strzyzow) на севере Польши (Maschnik J., 1977).

Э.Мугуревич (Рига)

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О КУРШАХ IX-XIV ВВ.

Подробные сведения об этническом составе населения Латвии начиная с XIII в. имеются в письменных источниках, где описаны жившие здесь народности, в том числе курши. Какую именно территорию занимала каждая народность, можно ориентировочно установить с помощью идентификации упоминаемых топонимов (названия земель, замков, сельских поселений, водоемов и т.п.). Так, в письменных источниках XIII в. в Курземе упоминается около 200 местностей. Археологически исследованные памятники, особенно могильники, дают более конкретную информацию о густоте заселения и границах этнических территорий, о времени непрерывного использования отдельных памятников и об этнических и демографических изменениях в исследуемом регионе. В этом отношении наиболее продуктивен ретроспективный метод исследования - сопоставление данных письменных источников XIII в. с данными более ранних археологических памятников (IX-XIII вв.).

Согласно первым сведениям о куршах, восходящим к середине IX в., территория их обитания подразделялась на пять областей. Судя по ареалу распространения трупо-

положений IX-X вв., заселенная куршами территория находилась в Западной Литве и Южной Курземе. Именно на этой территории в письменных источниках XIII в. упоминаются земли куршей: Пилсатс, Мегове, Дувзаре, Цеклис и Эсестуа (Вихавеланк).

В грунтовых трупоположениях куршей продолжают погребальные традиции предыдущего периода (У-УШ вв.), и только в ориентации могил (СЗ-ЮВ, СВ-ЮЗ) заметна большая регулярность. Ареал распространения данных могильников ограничивается реками Вентой на востоке и Теброй на севере. В северо-западной части территории Литвы, где в это время располагается центр культуры куршских трупоположений, установлено, что переломным периодом в погребальных традициях является X в., когда трупоположения сменяются трупосожжениями (Куликаускаене, 1968). Ареал могильников с трупосожжениями в Курземе полностью охватывает бассейн среднего течения р.Венты, достигая в восточном направлении Салдуса и Пуре, а в северном направлении доходя до Дундаги (Мугуревич, 1970).

Остатки костров с характерным мужским инвентарем чаще всего находят в ямах, ориентированных в ЮЗ-СВ или З-В направлении, тогда как характерные для женщин предметы чаще всего встречаются в ямах, ориентированных в СЗ-ЮВ направлении. Эти особенности подтверждают связь трупосожжений с куршскими трупоположениями IX-XI вв., в которых замечается противоположная ориентировка женских и мужских погребений.

Судя по могильникам прибалтийских финнов (ливов и вендов) X-XIII вв. и по распространению куршских трупосожжений XI-XIV вв., курши заняли среднюю и северную части Курземского п-ва позднее. Поэтому среди упоминаемых в документальных источниках наименований населенных мест земель Бандавы, Вентавы и Ваннемы (позже Фределанд) много топонимов прибалтийско-финского происхождения (Kivraški, 1939).